

существования и развития обоих обозначенных выше явлений возможно лишь при обозначении их системообразующих признаков.

При этом я поддерживаю стремление Зубковой с помощью термина «советская жизнь» упорядочить объём неструктурированной информации о большевистско-коммунистическом периоде истории. Ведь псевдознаниями по этому вопросу полнятся Интернет, любительские реальные и виртуальные музейные экспозиции, печатные издания публицистического толка, авторы которых не обладают должным уровнем профессиональной подготовки. Антагонистами последнего вида «источников достоверных сведений» могут стать научно-популярные книги, написанные ведущими специалистами-историками. Удачный пример такого текста — сочинение о Торгсине, недавно опубликованное в серии «Что такое Россия?»¹⁰. Это пока единственная книга о «советском» в новом проекте НЛО, но я надеюсь на активное участие в нём именно академических учёных, специализирующихся в области истории России 1917—1991 гг.

Конечно, любая, даже достаточно сбалансированная модель прошлого представит его в виде схемы. Ведь ограничение и упрощение — неизбежные спутники процесса концептуализации. Думаю, это свойственно и конструкту «советская жизнь». Но понять, универсален он или нет, можно после постановки эксперимента — проведения конкретно-исторического исследования с его использованием. Одновременно высоко ценимая мною эмоциональность статьи Зубковой провоцирует на откровенность. В случае выбора темы для большого проекта, связанного с проблемой нового взгляда на историю России 1917—1991 гг., я бы предложила два варианта: «Частная жизнь в России и СССР: феномен советскости. 1917—1991 гг.» или «Советскость: социально-антропологический контекст. Россия—СССР. 1917—1991 гг.».

---

¹⁰ Осокина Е.А. Алхимия советской индустриализации. Время Торгсина. М., 2019.

Мария Зезина

Некоторые вопросы исторической реконструкции советской жизни

Maria Zezina (Moscow, Russia)

Historical reconstruction of Soviet life: some issues

DOI: 10.31857/S086956870006374-2

Вопросы, поднятые в статье Е.Ю. Зубковой, чрезвычайно важны и своевременны. Исследование феномена советского — задача, актуальная как в научном, так и в социальном плане. Предлагая в качестве предмета исторической реконструкции интегральную модель «советская жизнь», автор скорее ставит вопросы и провоцирует новые, нежели предлагает ответы на них. Не претендуя на готовые решения, последую этому примеру.

Стартовая площадка. Намечая путь дальнейшего движения в постижении советского прошлого, прежде всего надо осмотреться, понять, где мы находимся и что сделано. За почти три десятилетия произошла смена поколений. Сегодняшние 40-летние могут поделиться только детскими воспоминаниями советской жизни, а для тех, кто младше, это и вовсе история за пределами их личного опыта. Уходят очевидцы, исчезает среда памяти, подходит к концу

«мемориальная эра»¹. Восприятие советского прошлого изменилось, но, как свидетельствуют социологические опросы, ностальгия не исчезла, многим оно представляется чуть ли не потерянным раем. Бизнес отвечает на этот запрос использованием советских символов, изданием красочных фотоальбомов², Интернет — громадным количеством сайтов, большинство которых рисует положительный образ «страны, которую мы потеряли», СМИ — своими проектами. Полностью согласна с Зубковой, когда она пишет о необходимости «адекватного профессионального ответа на ностальгический вызов».

Чем же отвечает наука? Оценки современного состояния изученности истории СССР расходятся от негативных до вполне оптимистичных. По мнению Н.Н. Козловой, мы «знаем о советском обществе непростительно мало. Нет теоретической картины того, что именно представляли собой общественные структуры советского типа»³. С ней солидарен Ю.С. Пивоваров, отметивший, что «СССР — один из самых больших экспериментов и вопросов» и для русской науки нет вопроса важнее, что от ответа на вопросы зависит настоящее и будущее России⁴. Трудно согласиться с категоричной оценкой трудов тысяч исследователей, но в остальном уважаемый академик прав.

Зубкова смотрит на состояние дел в современной историографии более реалистично. Нельзя не согласиться, что накоплен большой опыт, и не только в рамках социальной истории. Проблема — в его инвентаризации, что само по себе является чрезвычайно сложной и трудоёмкой задачей, отвечающей интересам прежде всего профессионального сообщества. Ответ на ностальгический настрой постсоветского общества лежит совсем в другой плоскости.

Полностью согласна с автором в видении перспективы исследования социальной истории советского в методологическом и предметном синтезе. Можно только добавить, что речь стоит вести не только о социальной, но и об экономической, политической, культурной истории, в общем — об истории в целом.

Советская жизнь. На первый взгляд в предложении Зубковой сделать советскую жизнь предметом исторической реконструкции нет ничего нового, тем более что автор представляет эту модель как интегральную, т.е. включающую все сферы деятельности человека и общества. Встаёт вопрос: разве сотни тысяч монографий, статей, диссертаций, посвящённых истории партии, рабочего класса, колхозного крестьянства, фабрик, заводов, колхозов, написаны не о советской жизни? А работы о советском образе жизни, которые стали появляться с 1970-х гг.?

Сам концепт «советская жизнь» чрезвычайно широк и имеет ряд сходных по смыслу понятий: жизнь в СССР, жизнь советских людей, советский образ жизни. Когда автор переходит к смысловому наполнению, становится понятно, что речь идёт о «системе бытования советского социума, его отдельных групп и индивидов в определённых рамочных условиях — регулируемых (заданных) и возникающих спонтанно, обладающих устойчивыми признаками (закреплёнными в обыденных практиках и ритуалах) и одновременно подвижных, измен-

¹ Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М., 2003.

² Примером может служить роскошно изданная и обильно иллюстрированная книга: Советский Союз: образ жизни. 1945—1985. М., 2011.

³ Козлова Н.Н. Советские люди. Сцены из истории. М., 2005. С. 472.

⁴ Пивоваров Ю.С. О «советском» и путях его преодоления (статья вторая). Что делать? // Полис. Политические исследования. 2014. № 2. С. 32.

чивых». Принципиально важный посыл — изменить ракурс видения, идти от деталей к системе. Другими словами, следовать призыву М. Фуко к социологам и историкам «вести анализ исторических и социальных формаций как можно глубже, вплоть до обнажения их неповторимой странности»⁵. Именно внимание к частному, к деталям позволит выявить социальную, гендерную, национальную, культурную, географическую специфику советской жизни и через это понять, в чём же заключается феномен советского.

В этом отношении стоит обратить внимание на опыт одного из наиболее удачных медийных проектов, который упоминает Зубкова — «Намедни». Совмещение различных форматов реальности, разных ракурсов видения советской жизни на уровнях макро- и микроистории, соединение значимых политических событий, происходивших в стране и в мире, с повседневностью создаёт объёмную картину, позволяет реконструировать мир, в котором жил «простой советский человек», что редко удаётся историкам.

Что касается советского опыта пропаганды «жизни в СССР» для зарубежной аудитории, этим начали заниматься ещё до войны. Данную цель преследовал журнал «СССР на стройке», издававшийся на нескольких иностранных языках с 1930 г. После реорганизации в 1948 г. он получил название «Советский Союз». С другой стороны, с 1946 г. на русском языке стал выходить журнал «Америка». Вскоре его распространение оказалось под запретом, но возобновилось в 1956 г., после соглашения между СССР и США. Таким образом, усилия по пропаганде своего образа жизни предпринимались с обеих сторон. На закате советской эпохи СМИ наряду с экспортным вариантом стали формировать «советский образ жизни» для внутреннего пользования. Появилась наукообразная литература, разрабатывающая эту тему и доказывающая преимущества советской жизни.

Советскость. Как и у большинства понятий, бытующих в гуманитарных науках, у термина «советскость» общепринятой дефиниции нет. Сам термин чаще используется зарубежными учёными, нежели отечественными. Советскость, особенности советской жизни, советских людей лучше видны сторонним исследователям, чем изнутри, её носителям. Зубкова считает наиболее адекватным и подходящим к задачам исторической реконструкции советской жизни понимание, предложенное Ю.С. Пивоваровым: советскость как сочетание коридора возможностей и рамок ограничений⁶. Что ж, хорошо сказано, лаконично. Но отражает ли такое понимание специфику именно советского? Разве жизнь любого индивида, коллектива или сообщества в любой стране не зависит от возможностей и ограничений, определяемых существующей политической и экономической системой, зависящих от культурных, национальных, религиозных, климатических и множества других факторов? По сути, этот подход имеет универсальный характер для реконструкции жизни частной или человеческого сообщества и выявления её специфических черт.

В этой связи встаёт вопрос об уникальности феномена советского. Совершенно справедливы замечания Зубковой о том, что даже сфера частной жизни в СССР «коррелируется с процессами эволюции приватности в западном

---

⁵ Вен П. Фуко. Его мысль и личность. СПб., 2013. С. 16—17.

⁶ Пивоваров Ю.С. О «советском» и путях его преодоления (статья первая). Советское Über alles // Полис. 2014. № 1. С. 61—62.

мире», и что «советскость не растворилась в постсоветской социальной реальности, а постоянно напоминала о себе».

Опыты исторической реконструкции. Обратимся к примерам опыта использования интегральной предметной модели «советская жизнь». Прежде всего это сборник документов с таким же названием⁷. Книга получилась интересная, выходящая за рамки истории повседневности, охватывающая самый широкий спектр акторов и аспектов жизни. Но это не монография, к тому же сборник документов лишь условно можно назвать исследовательским опытом. В качестве примеров интегрального предметного синтеза Зубкова называет работы, в которых предметами исследования стали различные обобщающие конструкты, которые, в свою очередь, являются элементами более объёмного конструкта — *советской жизни*. Это монографии А.В. Юрчака о последнем советском поколении, Ю.Л. Слёзкина о Доме на Набережной и Н.Б. Лебиной о пассажирах «колбасного поезда».

Этот перечень можно продолжить. В конструкт вполне вписываются монографии А.К. Байбурина о том, как функционировала советская паспортная система в официальном и неофициальном вариантах⁸, О.В. Хархордина о практиках взаимодействия личности и коллектива в дискурсе советского периода⁹. Эти исследования, написанные в рамках исторической антропологии, наглядно подтверждают перспективность методологического синтеза.

Зубкова отмечает, что в конкретных проектах существует дистанция между идеей и её воплощением. Такая дистанция неизбежна — вопрос в том, насколько она велика, и что можно сделать, чтобы приблизиться к идеалу. Чтобы на него ответить, надо определить, из каких элементов состоит интегральный конструкт, являющийся предметной моделью для исследования. Важно также определить его структуру, чтобы из этих элементов сложилась цельная картина, отображающая существенные черты и признаки *советской жизни* в конкретных исторических условиях.

Советскую жизнь можно рассматривать в двух ипостасях — как практику (или, стоя на позитивистских позициях, как жизнь, какой она была в действительности) и как представление о том, какой она должна быть. В этом отношении любопытно замечание Е.А. Добренко, который определил социалистический реализм не как «творчество текстов, но *творчество жизни*»¹⁰. В этом смысле писатели наряду с пропагандистской машиной внесли свой вклад в создание мифической реальности. И эта воображаемая реальность формировала взгляды и убеждения людей, определявшие их жизненные стратегии и повседневное поведение.

Хронология. В каких хронологических рамках можно говорить о советской жизни? Можно ли отнести это понятие ко всему советскому периоду? По мнению Зубковой, «было бы исторически корректным разделить советскую жизнь на “чрезвычайный” (сталинский) и “нормальный” периоды». Вслед за Пивоваровым она считает, что советская жизнь стала «нормальной», т.е. приобрела

---

⁷ Советская жизнь. 1945—1953 / Сост. Е.Ю. Зубкова, Л.П. Кошелева, Г.А. Кузнецова, А.И. Минюк, Л.А. Роговая. М., 2003.

⁸ Байбурин А.К. Советский паспорт: история — структура — практики. СПб., 2017.

⁹ Хархордин О. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. Изд. 2. СПб., 2016.

¹⁰ Добренко Е. Формовка советского писателя. Социальные и эстетические истоки советской литературной культуры. СПб., 1999. С. 12.

черты устойчивости, примерно с середины 1950-х гг.¹¹ Такая периодизация выглядит очень условной и вызывает ряд вопросов. Как быть с 1920-ми гг.? Можно ли отнести конец 1980-х гг. к «нормальному» периоду советской жизни? Очевидно, что необходима более дробная периодизация, учитывающая комплекс факторов.

Если взять за основу предложенное в статье определение («система бытования советского социума, его отдельных групп и индивидов в определенных рамочных условиях — регулируемых (заданных) и возникающих спонтанно, обладающих устойчивыми признаками»), то очевидно, что изучаемый социум и рамочные условия его существования не возникли одновременно с провозглашением советской власти. По крайней мере, до середины 1930-х гг. можно говорить лишь о его формировании, складывании условий его существования.

Советское и нес советское. Закончилась ли советская жизнь в 1991 г. с распадом СССР? Можно согласиться с Г.А. Белой, когда она пишет о советской культуре, что её «жизненная фаза» завершилась, и «это не могло не изменить оптику исследователя»¹². То же можно сказать и о советской жизни. Трансформация социума, начавшаяся на закате советской эпохи, продолжалась на протяжении последующих десятилетий. Принятые в советское время потребительские, трудовые, досуговые, образовательные, родительские и всевозможные другие практики существуют в различных общественных и возрастных группах и по сей день.

Неизбежен вопрос о явлениях, которые не укладывались в законы и нормы: теневой экономике, спекуляции, диссидентстве, культурном «подполье». Полностью согласна с Зубковой, что специфика советского в том, что заданная норма допускает отклонения от неё, которые также относятся к феномену советского. Эту позицию разделяют исследователи, изучающие позднесоветский период. Юрчак, анализируя обвал системы, в качестве причины указывает на принципы её функционирования¹³. По мнению К. Смоля, позднесоветская эпоха состояла не столько из внеположных зон, сколько из сети сложных взаимодействий и переплетений, т.е. культурная и политическая девиантность возникала в «тесном симбиозе или в ситуации сознательного слияния с режимом»¹⁴. Все разновидности диссидентства (культурное, политическое, экономическое, национальное) явились реакцией на советские порядки и существовали во взаимосвязи с системой.

Иной взгляд на советское и нес советское у Добренко. Изучив советскую литературную культуру 1920—1930-х гг., он пришёл к выводу, что наиболее значительные русские писатели XX в. имеют к советской литературе весьма опосредованное отношение. По его мнению, большинство написанных на Западе и в постсоветскую эпоху в России историй советской литературы сводятся к описанию собственно нес советской литературы, а их персонажи, как правило, стояли либо вне, либо на периферии собственно соцреализма¹⁵. Этот пласт отечественной словесности находится за рамками исследовательского интереса Добренко, и автор никак не объясняет его появления в условиях системы.

¹¹ Пивоваров Ю.С. «...И в развалинах век» // Полис. 2011. № 6. С. 61.

¹² Белая Г.А. Дон Кихоты революции — опыт побед и поражений. М., 2004. С. 14.

¹³ Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось... С. 35.

¹⁴ Смоля К. (составитель блока статей «Нонконформизм как перформативное зеркало эпохи») // Новое литературное обозрение. 2019. № 1. С. 227.

¹⁵ Добренко Е. Формовка советского писателя... С. 8.

Можно предположить, что природа несветской литературы, существовавшей в первые десятилетия советской власти, связана с происхождением её творцов, культурно и духовно сформировавшихся до революции. Но бесцензурная литература существовала на протяжении всей советской истории¹⁶, а с середины 1950-х гг. получила широкое распространение благодаря самиздату. Писатели, которых можно было бы отнести к несветским (М. Булгаков, М. Зощенко, Е. Замятин, О. Мандельштам и др.), жили творили и в условиях советской действительности, которая находила отражение в их произведениях. Как же можно согласиться с исключением их из истории советской литературы? Главное в том, что литература не существует вне читателя, а этих авторов читали советские люди. Чтение — немаловажная часть жизни, особенно советской, к сожалению, ещё почти не исследованная.

Советский человек. Размышления о советской жизни неизбежно подводят к вопросу о феномене советского человека, чья жизнь, собственно, и является предметом изучения. Проблему формирования нового человека обычно рассматривают в контексте культурных преобразований советской власти. Так, исследуя формирование читательской аудитории, Добренко считает, что это была «одна из сторон более широкого процесса — формовки советского человека», и определяет «советскую культуру как политико-эстетический проект, радикально обращённый к реципиенту»¹⁷. Ш. Плаггенборг рассматривает революционную культуру как своего рода связующую нить, соединяющую человека с существующим режимом¹⁸.

Здесь большое поле для междисциплинарных подходов. Интерес представляют исследования семиотики советской культуры. Так, в работах А.И. Куляпина и О.А. Скубач на основе анализа знаковых составляющих культурного ландшафта 1920—1950-х гг. (столица и провинция, радио, телефон, телеграф, транспорт, красные похороны, культура сна, тема футбола и др.) сделан вывод об инфантилизации «нового человека»¹⁹. Весьма перспективным для анализа процесса передачи знаний, традиций, социокультурных практик представляется концепт исторической памяти²⁰.

---

¹⁶ См., например: Самиздат века / Сост. А.И. Стреляный, Г.В. Сапгир, В.С. Бахтин, Н.Г. Ордынский. М.; Минск, 1997.

¹⁷ Добренко Е. Формовка советского читателя. Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. СПб., 1997. С. 11—12.

¹⁸ Плаггенборг Ш. Революция и культура. Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб., 2000. С. 11.

¹⁹ Куляпин А.И., Скубач О.А. Мифы железного века. Семиотика советской культуры 1920—1950-х гг. Барнаул, 2006; Куляпин А.И., Скубач О.А. Мифология советской повседневности в литературе и культуре сталинской эпохи. М., 2013.

²⁰ Кознова И.Е. Сталинская эпоха в памяти крестьянства России. М., 2016.